

Келлер Готфрид

Семь легенд

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г74

Г74 **Готфрид К.**
Семь легенд / Келлер Готфрид – М.: Книга по Требованию, 2024. – 106 с.

ISBN 978-5-519-88820-2

ISBN 978-5-519-88820-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ства Келлера. Въ ней разсказана трагическая исторія любви двухъ дѣтей. Другая новелла „Die drei gerechten Kammscher“ отличается оригинальностью замысла, при чемъ, кажется, нигдѣ съ большимъ юморомъ не была высмѣяна ученая старая дѣва, жаждущая выйти замужъ. Но эта новелла не только удачный шаржъ, какъ принято на нее смотрѣть. Въ ней заключенъ цѣлый новый міръ чудесъ, описанный съ величайшимъ искусствомъ и полнотой. Въ новеллѣ „Rancrats der Schmoller“ излюбленный эпосомъ сюжетъ — возвращеніе героя послѣ странствій по чужимъ краямъ — использованъ съ необычнымъ юморомъ, скрывающимся подъ маской серьезности, чѣмъ достигнуть еще большій эффектъ. Одна изъ новеллъ „Frau Regel Amrain und ihr Jüngster“ преслѣдуетъ дидактическія цѣли: въ ней идетъ рѣчь о методахъ воспитанія и образованія, но и тутъ Келлеру удалось облечь всѣ разсужденія въ художественную форму. Новелла „Spiegel das Kätzchen“ до того напоминаетъ народный эпосъ, что историкъ нѣмецкой литературы Курцъ считалъ ее за литературную обработку народнаго сюжета, при чемъ онъ оговорился, что если это все-таки оригинальное произведеніе, то оно во всякомъ случаѣ самое удачное изъ всего, что появлялось въ этомъ жанрѣ.

Въ бѣгломъ очеркѣ невозможно указать на всѣ заключенныя въ новеллахъ красоты. Упомяну еще двѣ новеллы: „Kleider machen Leute“ и „Der Schmied seines Glückes“, которыя являются лучшими образцами нѣмецкой сатирической и юмористической литературы.

Въ Берлинѣ Келлеръ пробылъ до конца 1855 года, послѣ чего вернулся обратно на родину, гдѣ не могъ заняться такой систематической работой, которая дала бы ему необходимыя средства къ существованію. Онъ, какъ и

герой его новеллы „Pankrats der Schmoner“, долженъ былъ не безъ тяжелаго чувства обиды жить трудами своей матери и сестры, правда окруженный уже, благодаря успѣху его литературныхъ произведеній, почетомъ со стороны согражданъ. Въ 1861 г. Келлеръ получилъ важный оффиціальный постъ секретари контрольнаго управленія, одновременно онъ былъ избранъ членомъ правительственнаго совѣта. Несмотря на свою романтическую натуру и склонность къ бездѣлю, Келлеръ теперь больше всего гордился тѣмъ, что, наконецъ-то, на его долю выпало занятіе, преслѣдующее опредѣленные практическія цѣли. Онъ сталъ образцовымъ чиновникомъ и съ такою же любовью подписывалъ всякія исходящія и входящія бумаги, съ какою рисовалъ или писалъ разные художественныя небылицы. Въ 1872 году появились его „Семь легендъ“. Несомнѣнно своеобразенъ замыселъ дать свѣтскую обработку религіознымъ сказаніямъ. Но какая громадная разница замѣтна въ томъ, какъ переработалъ одно изъ сказаній романтически настроенный, но все же реалистъ съ головы до ногъ германецъ Келлеръ (въ легендѣ „Святая дѣва въ образѣ монахини“) и написавшій впоследствии на эту же тему драму „Сестра Беатриса“ мистикъ романецъ Метерлинкъ. Здѣсь сказался весь контрастъ этихъ двухъ расъ. Святые въ легендахъ Келлера лучше всего проявляютъ свои добродѣтели, когда они попадаютъ въ уютную буржуазную обстановку, при чемъ больше всего цѣнятся ихъ семейныя склонности. Въ легендахъ несмотря на царящее въ нихъ легкомысліе, нигдѣ нѣтъ и тѣни кошунства, что бы ни говорили слишкомъ усердные пуритане.

Всѣ онѣ представляютъ собою образцы чистѣйшей поэзіи. Въ нихъ языкъ и стиль Келлера достигъ высшаго совершенства. Съ неистощимостью

и полнотой эпического писателя Келлеръ даетъ въ этихъ легендахъ картины природы и человѣческихъ отношеній, не забывая ни малѣйшей детали, при чемъ самыя причудливыя описанія кажутся вполне законными, благодаря удивительному реалистичекому тону, который въ нихъ царить. И при этомъ все достигается съ поражающей читателя экономіей средствъ. Въдѣ нужно не забывать, что среди легендъ есть такія, которыя умѣстились на 5—6 страничкахъ, а самая длинная имѣетъ не болѣе 12 страницъ. Но послѣ чтенія этихъ коротенькихъ произведеній поражаешься, съ какой неистощимой щедростью Келлеръ разсыпалъ въ нихъ богатства своей фантазіи. Въдѣ въ нихъ заключена величайшая коллекція рѣдкостей и чудесъ! У Келлера необычайный даръ выдумывать причудливыхъ героевъ и давать имъ соотвѣтствующія удивительныя названія и прозвища. Но что особенно своеобразно въ произведеніяхъ Келлера—это ихъ стиль и языкъ. Нѣтъ никакой возможности передать на русскомъ языкѣ всей оригинальности его оборотовъ и выраженій. Да и въ нѣмецкомъ языкѣ, кажется, ничего подобнаго нѣтъ, потому что Келлеръ въ своихъ произведеніяхъ нарушалъ иногда законы логики и законы самого нѣмецкаго языка, но все же новыя слова и обороты, созданные имъ, получили всеобщее признаніе. Онъ ввелъ также въ нѣмецкую литературу новыя слова изъ народной рѣчи. Безчисленныя метафоры и олицетворенія придаютъ всѣмъ его произведеніямъ необычайную живость языка, при чемъ они ничуть не кажутся манерными или изысканными, такъ какъ непосредственно вырастаютъ изъ самой сути разсказа. Келлеръ особенно большой мастеръ создавать эпитеты и уменьшительныя имена, то ласкательныя, то насмѣшливыя и унижательныя, для которыхъ въ русской рѣчи тоже не

всегда можно найти соответствующее выражение, отчего переводъ легендъ представляет иногда непреодолимая трудности. Чтобы пояснить, насколько чуждъ Келлеровскій стиль русскому языку, укажемъ для сравненія, что то же самое можно сказать, напримѣръ, про „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя въ отношеніи нѣмецкаго языка.

Въ 1874 г. появилась вторая часть „Die Leute von Seldwyla“ и вскорѣ послѣ нихъ „Züricher Novellen“, изъ которыхъ лучшая „Der Landvogt von Greifensee“, гдѣ съ свойственнымъ ему мастерствомъ обрисованы очаровательныя женскія фигуры. Въ 1881 году онъ написалъ „Das Sinngedicht“, гдѣ ему удалось достигнуть наивысшаго единства изложенія. Въ 1886 году появился романъ „Martin Salander“, совершенный по формѣ. Но самъ Келлеръ остался имъ недоволенъ изъ-за слишкомъ реалистическаго тона его и недостатка излюбленнаго имъ фантастическаго элемента. По поводу этого произведенія Келлеръ сказалъ: „Нѣтъ, оно не красиво! Въ немъ слишкомъ мало поэзіи!“

Келлеръ былъ выдающійся эпическій писатель. Но ему хотѣлось попробовать свои силы и въ драмѣ. Еще въ своей статьѣ „Am Mythenstein“ онъ заявилъ, что онъ сторонникъ Шиллера, и изложилъ также свои взгляды на національную драму и на вопросъ о возрожденіи театра. Но въ области драмы Келлеръ не оставилъ ничего законченнаго: мы имѣемъ только фрагментъ его трагедіи „Therese“ (1851 г.).

Какъ лирикъ Келлеръ извѣстенъ своими многочисленными стихотвореніями, не всегда совершенными по формѣ, но очень значительными по содержанію. Правда и среди нихъ есть перлы, какъ „Stille der Nacht“, „Am Brunnen“, „Feueridylle“, „Das Ständchen“. Наиболѣе удачны баллады Келлера („Gas von Ueberlingen“, „Der

Naar des Herrn von Zimmern“, и другія), а также и Festlieder, которые написаны имъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Келлеръ самъ формулировалъ свой взглядъ на основной характеръ художественной дѣятельности. Онъ писалъ: „Въ человѣческомъ духѣ навсегда останется одно стремленіе, а именно стремленіе къ гуманности. Путеводными звѣздами къ ней были Гете. Шиллеръ и тѣ, которые писали до нихъ въ прежнія времена. Но то, что именно въ каждую эпоху гуманность должна означать, не находится въ зависимости ни отъ таланта отдѣльнаго лица, ни отъ его стремленій; оно зависитъ отъ самой эпохи и отъ исторіи. Я считаю, что поэтъ долженъ не только освѣтить прошлое, но и объяснить и прикрасить настоящее, въ которомъ заключенъ зародышъ будущаго. Нужно только сдѣлать это въ слегка ироническомъ, но благо-склонномъ тонѣ, тогда люди повѣрятъ, что такъ все и есть на самомъ дѣлѣ. И хотя въ дѣйствительности намѣченный идеаль еще не достигнутъ, они постараются добиться его осуществленія“. Изъ этихъ словъ Келлера видно сродство его воззрѣній со взглядами Шиллера на поэзію, какъ на орудіе педагогическаго воздѣйствія на людей. При этомъ именно эстетическій элементъ литературнаго произведенія является могучимъ средствомъ въ рукахъ писателя. Такъ жилъ и писалъ Келлеръ вплоть до глубокой старости. Онъ умеръ въ 1890 г. въ своемъ родномъ Цюрихѣ, гдѣ протекла почти вся его жизнь.

С. Клейнеръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

При чтеніи цѣлаго ряда легендъ автору предлагаемой книжки пришло въ голову, что въ множествѣ дошедшихъ до насъ сказаній проявилось не одно только церковное искусство повѣствованія, но что часто, если хорошо приглядѣться, въ нихъ можно найти слѣды другого, болѣе свѣтскаго искусства, — новеллистики.

Какъ обрывки облака, контуръ горы, маленькая гравюра забытаго мастера часто наводятъ художника на мысль написать цѣлую картину, такъ и автору этой книги захотѣлось вдохнуть новую жизнь въ эти разрозненные, туманные образы, причемъ они, правду сказать, получали у него часто другую физіономію и обращали свой взоръ къ другимъ идеаламъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ тяготѣли въ первоначальной своей формѣ.

Громадный запасъ матеріала допустилъ бы использованіе его въ самомъ широкомъ масштабѣ, но такого рода безобидныя шутки заслуживаютъ благосклоннаго къ себѣ отношенія только въ томъ случаѣ, если имъ отводится скромное мѣсто.

ЕВГЕНІЯ.

Не должно быть мужской одежды на женщинѣ, и не долженъ одѣваться мужчина въ женскомъ платьѣ, потому что мерзокъ передъ Господомъ, Богомъ твоимъ, всякій дѣлающій это.

Пятикнижіе Моисея. 22. 5.

Когда женщины пренебрегаютъ ради честолюбія красотой, граціей и женственностью, для того чтобы выдвинуться въ другой, несвойственной имъ области, то нерѣдко дѣло кончается тѣмъ, что онѣ наряжаются въ мужское платье и такъ расхаживаютъ.

Сильное желаніе подражать мужчинѣ замѣчилось уже въ легендарную и благочестивую эпоху перваго христіанства, и въ тѣ дни не мало святыхъ дѣвъ было пренесполнено стремленія освободиться отъ обычаевъ, господствующихъ въ семьѣ и обществѣ.

Примѣромъ тому можетъ служить образованная молодая римлянка Евгенія, но конечный результатъ ея поведенія—не такъ ужъ необычный—былъ тотъ, что она, благодаря своей склонности къ мужскимъ замашкамъ, была поставлена въ затруднительное положеніе и въ концѣ концовъ должна была отереть истину и признаться, что она женщина, для того чтобы спасти себя.

Она была дочерью знатнаго римлянина и проживала со своею семьей въ Александріи, киш-

мя кипѣвшей философами и учеными всякаго рода. Благодаря этому, Евгенія получила тщательное воспитаніе и образованіе и такъ вошла во вкусъ наукъ, что, какъ только немного подросла, стала посѣщать школы разныхъ философовъ, схоластовъ и риторовъ, какъ настоящій студентъ; въ качествѣ тѣлохранителей ее всегда сопровождали два прелестныхъ мальчика. Они были сыновья двухъ вольноотпущенниковъ ея отца, воспитывались вмѣстѣ съ нею, какъ сверстники, и должны были принимать участіе во всѣхъ ея занятіяхъ.

Со временемъ она стала красавицей, какую трудно было сыскать, и друзья ея дѣтства, которые оба, какъ это ни странно, носили имя Гіацинтъ, превратились въ стройныхъ юношей и цвѣли, какъ два цвѣтка, и гдѣ ни показывалась прелестная роза—Евгенія, тамъ всегда можно было видѣть справа и слѣва обонхъ Гіацинтовъ, которые перешептывались между собою или граціозно слѣдовали за нею, тогда какъ госпожа ихъ, оборачиваясь къ нимъ къ полуоборотъ, продолжала вести съ ними диспутъ.

Никакой синій чулокъ на свѣтѣ не имѣлъ болѣе воспитанныхъ товарищей, чѣмъ она; ни разу не разошлись они съ нею въ мнѣніяхъ, всегда хоть на капельку уступали ей въ образованности, такъ что постоянно истина была на ея сторонѣ, и ей нечего было бояться, что она скажетъ что-нибудь болѣе недѣльное, чѣмъ ея сверстники.

Всѣ книжные черви Александринъ воспѣвали ее, какъ музу, въ элегіяхъ и мадригалахъ, и вѣрные Гіацинты должны были тщательно переписывать всѣ стихи на золотыхъ табличкахъ и носить ихъ слѣдомъ за нею.

Съ каждымъ полугодіемъ она становилась все красивѣе и ученѣе и ужъ свободно разгуливала въ таинственныхъ лабиринтахъ неоплатонизма, когда въ нее влюбился молодой проконсулъ Аквилиній и попросилъ ея руки у отца. Но отецъ былъ

проникнуть такимъ уваженіемъ къ своей дочери, что, несмотря на отцовскую власть по римскому закону, не посмѣлъ даже говорить съ ней объ этомъ и предложилъ претенденту обратиться къ ней лично за отвѣтомъ, хотя въ его-то глазахъ не было болѣе желаннаго зятя, чѣмъ Аквилиній.

Да и сама Евгенія съ нѣкотораго времени ужъ не разъ тайкомъ заглядывалась на консула, потому что онъ былъ самымъ виднымъ, самымъ храбрымъ и самымъ знатнымъ человѣкомъ въ Александріи, да къ тому же слылъ за человѣка большого ума и добраго сердца.

Несмотря на это, она все же встрѣтила влюбленнаго консула спокойно и съ достоинствомъ, окруженная свитками пергамента, съ обоими Гіацинтами позади кресла. На одномъ было платѣ лазурно-голубого цвѣта, на другомъ—розовое, а на ней самой—ослѣпительно бѣлое, и непосвященный такъ бы и остался въ полномъ невѣдѣніи, кто стоитъ передъ нимъ, трое прекрасныхъ отроковъ, или три цвѣтущія дѣвушки.

Предъ этимъ трибуналомъ предсталъ мужественный Аквилиній, одѣтый въ простую, но съ достоинствомъ закинутую тогу; охотнѣе всего объяснился бы онъ ей сейчасъ же въ своей страстной любви въ искреннихъ и нѣжныхъ выраженіяхъ; но, замѣтивъ, что Евгенія не отсылаетъ кукшей, онъ опустилсѣ на стулъ противъ нея и сдѣлалъ ей предложеніе въ немногихъ ясныхъ словахъ, при чемъ долженъ былъ сдерживать себя, потому что не могъ оторвать глазъ отъ Евгеніи и налюбоваться ея прелестью.

Евгенія чуть замѣтно улыбнулась и даже не покраснѣла, такъ сильно ученость и образованность подавили въ ней всѣ естественныя, тонкія движенія души. Напротивъ, принявъ серьезный и глубокомысленный видъ, она сказала ему въ отвѣтъ: „Твое желаніе, о Аквилиній, сдѣлать меня твоей супругой, въ высшей степени лестно для

меня, но оно не может толкнуть меня на поступокъ, который не заслуживалъ бы названія мудраго. А это было бы такъ, еслибъ мы поддались первому грубому влеченію, не подвергнувъ другъ друга испытанію.

Непремѣнное условіе, которое я ставлю своему будущему супругу, заключается въ томъ, чтобы онъ понималъ мои духовные запросы и стремленія, уважалъ и раздѣлялъ ихъ! Я буду тебѣ отъ души рада, если ты станешь почаще бывать въ моемъ обществѣ и начнешь, наперерывъ съ моими юными друзьями, упражняться въ философствованіи, чтобы изслѣдовать вмѣстѣ со мною основныя вопросы бытія. При этомъ неминусемо выяснится, созданы ли мы другъ для друга или нѣтъ, и послѣ нѣкотораго времени совместной умственной работы мы изучимъ другъ друга, какъ подобаетъ созданнымъ Богомъ твореніямъ, которыя изъ тьмы должны стремиться къ яркому свѣту“.

На это высокопарное обращеніе Аввилиній отвѣтилъ, сдержавъ вспышку гнѣва, съ гордымъ спокойствіемъ: „Еслибъ я не зналъ тебя, Евгенія, то не просилъ бы твоей руки. Меня же знаетъ великій Римъ и вся провинція! И если твоя наука до сихъ поръ не помогла тебѣ узнать, кто я, боюсь, что ей это не удастся никогда. Да къ тому же я не затѣмъ пришелъ, чтобы вновь стать школьникомъ, а чтобы взять тебя въ супруги; что же касается этихъ мальчиковъ, то, когда ты меня обрадуешь своимъ согласіемъ, моимъ первымъ желаніемъ будетъ, чтобы ты отпустила ихъ, наконецъ, на волю и отдала ихъ родителямъ; пусть они имъ помогаютъ и приносятъ пользу. Я прошу тебя дать мнѣ отвѣтъ и обращаюсь къ тебѣ не какъ къ ученому, а какъ къ женщинѣ съ плотью и кровью!“

Теперь красивый философъ въ юбкѣ наконецъ-то покраснѣлъ, какъ огненно-красная гвоздика.